

Яновская против Яновской

Итак, «Гуд-бай, Америка!!!» — третий и пока последний спектакль Генриетты Яновской на сцене Московского театра юного зрителя. Он немало проясняет в нелегкой судьбе режиссера, но еще больше запутывает.

В Ленинграде Яновская дебютировала в конце шестидесятых «Варшавской мелодией» Леонида Зорина — пьесой, в которой человек страдал по вине государства. По тем временам это был поступок. Выбором пьесы режиссер оторвалась от конъюнктуры и всяческой фальши. Отрекалась, впрочем, от слишком многого: не только от житейской благоустроенности, но и от возможности когда-нибудь создать свой театр. Но выбор был сделан: имя Яновской с той поры фигурирует среди гонимых, а главное — правдивых и искренних художников.

В Ленинграде она ставила драмы. В Москве — прозу и стихи. Чисто внешнее разделение, но в спектаклях Яновской это существенно. Главные спектакли ленинградской поры — «Вкус меда» Ш. Дилани и «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса — драмы-исповеди. Исповеди без утайки, но и без тени смущения — за этим вставали образы героев и героинь, свободных от предрассудков и застылых общественных норм молодых людей. Тип этот Яновская показала и развяснила на нашей сцене, как никто другой.

Изгой — юная Джо и женственный Джеффри Ингрэм из «Вкуса меда», вечная девочка Лаура и вечный мальчик Том из «Стеклянного зверинца» — были явлены среди, труппой естественными людьми в жажде своих естественных прав. Но Яновская сумела разглядеть и изуверность этих людей. Конец их жизненных драм оказывался трагичным, а борьба с обществом проигранной: герои познают страдание и печаль и втайне наслаждаются этим упоительным ощущением, капля за каплей, словно пьют через соломинку изысканный коктейль. За меланхолией героев угадывалась тоска постановщика — тоска по чему-то, что взорвало бы унылое строение жизни,

скомпрометировало тогдашний набор театральных отточенных формул и готовых ситуаций.

На пути к Москве два известных факта режиссерской судьбы: работа в Красноярском ТЮЗе и народном театре-студии «Синий мост» в Ленинграде. Красноярским шедевром Яновской критика называет «Плутни Скалена», а в Северной Пальмире долго судили-рядили о «Красной шапочке». Легко и соблазнительно двумя этими событиями продемонстрировать интерес режиссера к молодежной и детской проблематике. Но дело обстоит иначе.

Малый драматический в Ленинграде (осознаю, что надо бы писать в Санкт-Петербурге, но пусть останется как было), где Яновская поставила лучшие свои спектакли, всегда был театром молодежным по духу, который охотно принимал всех театральных аутсайдеров. Так было при Ефиме Падве — так остается и при Льве Додине. Тут Яновская пришла ко двору. Лейтмотив, проходящий через многие ее спектакли, был открыт здесь: юноши и девушки изумительной грации, со строгими и непроницаемыми лицами. Образ строгой юной красоты — лирическая струна ее сдержанного искусства. Тут Яновская не только изящна, но и человечна.

«Неужели я похожа на самоубийцу?» — воскликнула Генриетта Наумовна, когда ей предложили возглавить Московский ТЮЗ, и... возглавила его. Приход в театр был скандален. Но общественная ситуация изменилась — она оказалась на стороне режиссера. Судьба на этот раз была если не так щедра, то благосклонна к ней. Ленинградская шаль, всегда резко и красиво ниспадающая с плеч, заменяется спортивной униформой. Яновская становится Шахерезадой современной Москвы. Правда, Шахерезада, которую уже не вдохнов-

ляют истории других людей, а более своя, собственная.

Все спектакли Яновской в ТЮЗе — «Собачье сердце», «Соловей», «Гуд-бай, Америка!!!» — автобиографичны. Конечно, речь о духовной биографии, не жизненной. Меняется герой спектаклей, меняется их форма и интонация, но главное — содержание и смысл. «За фантастическим сюжетом видится гуманистическая мысль о благородстве интеллекта, о том, что невозможно прививать культуру скоропалительным хирургическим методом». — писал академик А. Сахаров (впрочем, не утверждая адекватность постановки и булгаковского первоисточника). Спектакль Яновской еще таит в себе и хранит тепло ее ленинградских постановок.

Очевидно и другое: режиссерская прямолинейность. Прямолинейность трактовок персонажей (от Преображенского до Шарикова), прямолинейность трактовок мотивов. Главные: мотив духовного рождения и мотив человеческого вырождения. Объем и полифоничность прежних спектаклей уступают место публицистичности, которой ранее Яновская стеснялась и стыдилась. Противопоставление арии из «Аиды» маршу революционной эпохи исчерпывается в первые десять минут.

Спектакль дважды автобиографичен. Предстояло решить: остаться ли верной своему оппозиционному таланту или полностью отдаться во власть новых веяний? «Актёры, долгие годы не знавшие радости настоящего успеха, режиссер, два десятилетия блуждавшая в поисках постоянной работы в наших окостеневших театрально-зрелищных предприятиях, — с восторгом писал критик, — кажется, нашли друг друга». Таким виделся главный итог спектакля.

О детях предпочитали не вспоминать. Было не до де-

тей. Торжествовали «демократия» и справедливость. А при слове «демократия» ныне привыкли вставать залом, как совсем недавно вставали при звуках «Интернационала».

О детях вспомнила Генриетта Наумовна. И решила подарить им прекрасную сказку «Соловей». Все были в восторге! Оценили и тактическую мудрость режиссера — вот вам спектакль для детей... в детском театре. Смотрите, радуйтесь и не упрекайте за невниманье к юным.

«Чего-то мелкозги сегодня многовато», — услышал, входя в ТЮЗ. Насторожило не пренебрежительное «мелкозга», но странность — куда же им еще идти, как не на сказку Андерсена?

Спектакль получился красивым (неизменный С. Бархин), но откровенно вымученным. До невозможного. Намеки, намеки, намеки... Намекают долго и нудно, до изнурительности, повторяя одну и ту же фразу. Про то, что в Китае — все китайцы, что сад был таким огромным, что даже Садовник не знал, где он кончается... Ясно — про нас, про нашу страну. Способ существования актеров при этом — якобы импровизационный и гротесковый. Похоже, правда, больше на кривляние. Но не в том дело — в концепции.

Соловей, которого ждешь уже с внутренним напряжением, явлен немолодым человеком в простой рубашке и мятых брюках, замызганном пальто, кепке и кирзовых сапогах. С папирской в зубах вваливается он на сцену, намекая, похоже, на пребывание на Соловках. Соловецкий Соловей, утверждает Яновская, вкладывая в его уста стихи Ахматовой, Пушкина, Мандельштама, Пастернака, Бродского.

Согласились бы с таким описанием их судьбы поэты (здравствует, как известно, один И. Бродский) — не знаю. Но «гонимостью» — все же не главное в их жизни. Главное — творчество. О чем забыто. Или Яновская так не считает? Для нее изгнанность — личное. Но мотив, искуст-

венно втиснутый в андерсеновскую сказку, и прозвучал искусственно.

В «Собачьем сердце» люди живут на пепелище; в «Соловье» — в клетках птицы и люди; персонажи «Гуд-бай, Америка!!!» мечутся в пространстве, замкнутом стеной из ватников и фуфаяк...

Лиризм сменился публицистичностью, сострадание — озлобленностью... Цена путешествия из Ленинграда в Москву? Но в последней постановке достается и альма-матер режиссера: Мистер-Твистер посещает не стольный невиский град, но ГУЛАГ (меткое наблюдение Б. Поюровского), где у людей — ватные души и фуфаячные сердца. Совсем не владеющие жанром шоу исполнители этого странного представления с каким-то судорожным упоением и лихорадочным наслаждением веселятся. Отчего бы? И лишь двое горемык, забытых, униженных, напоминают о былой Яновской, которая умела сочувствовать...

Поразительно, но промежуток между премьерами МТЮЗа постоянно растёт, новой работы Яновской нет уже более трех сезонов. Театр, руководимый ею, все чаще и чаще сотрясают скандалы. Видимо, внешняя, номенклатурная, победа не принесла внутренней, духовной, радости. Ленинградские драмы были поэтичны и современны, московские стихи и проза оказались плакаты и злободневны. Противоборство идет внутри художника: Яновская с Невы не хочет уступить Яновской столичной.

Константин МУХИН.

Р. С. Стало известно, что Генриетта Яновская репетирует «Иванова» А. Чехова. Спектакль оформляет С. Бархин, в главной роли — С. Шакуров. «ВК» желает режиссеру и ее театру творческой удачи!

На снимках: сцены из спектаклей «Собачье сердце» и «Гуд-бай, Америка!!!».

Фото Виктора БАЖЕНОВА.

РАЗБЕЗД